

*Олег Анатольевич Семенюк**

Украина

СИНОНИМИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. БУЛГАКОВА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Исследование индивидуально-авторского употребления синонимов является одним из элементов изучения структуры и содержания языковой личности в художественном произведении.

Синонимы, как и любые языковые единицы, функционируют в определенных условиях, способствующих, с точки зрения говорящего, реализации, а с точки зрения слушающего, – выявлению смысла или варианта значения, который вкладывается в эту единицу говорящим. Одним из заметных факторов употребления и, что важно, интерпретации синонимов является социокультурный контекст или фон. Роль контекста (в широком смысле этого понятия) при рассмотрении синонимов весьма значительна, а при анализе речевой синонимии, синонимии художественного текста, становится еще более важной, так как именно контекст определяет окончательную степень семантического преобразования слов-синонимов, подчиненность денотативному значению и т. д.

* Доктор филологических наук, профессор, ректор Кировоградского государственного педагогического университета им. Владимира Винниченко, заведующий кафедрой перевода и общего языкознания.

Как известно, синонимия в художественном тексте многофункциональна. Основные и сопутствующие художественно-эстетические функции синонимов определяются рядом факторов: положением в контексте, взаимоотношением с другими языковыми единицами, наличием эмоциональных оттенков в слове-синониме, стилистической маркированностью, типичными особенностями переносного значения и т. п. Кроме того, особую роль играют неязыковые факторы: авторская задача, тема контекста, социально-культурная среда, в которой живут персонажи, время создания произведения, его жанр и др.

Стилистические, семантико-стилистические и контекстуальные синонимы в силу своей эмоционально-оценочной маркированности более многофункциональны и способны вместе с уже названными двумя функциями реализовывать достаточно сложные художественно-эстетические задачи. Например, в отрывке из *Мастера и Маргариты*, где кот обращается к оркестру, читаем:

[...] кот выскочил к рампе и вдруг рывкнул на весь театр человеческим голосом:

– Сеанс окончен! Маэстро! У р е ж ь т е марш!!

Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не з а и г р а л, и даже не г р я н у л, и даже не х в а т и л, а именно, по омерзительному выражению кота, у р е з а л какой-то невероятный [...] марш¹.

Приведенный синонимический ряд в контексте выполняет несколько функций – и создания образности, и нагнетания эмоционального состояния, и создания комического эффекта. Отдельно отметим, что он фиксирует и воссоздает (для внимательного читателя) характерную для 1920–30-х годов в России жаргонную среду, когда в разговорной речи активно использовались, часто занимая доминантное положение (у р е з а т ь – в значении «лихо и громко заиграть»), жаргонные и просторечные слова, заимствованные из лексикона асоциальных и деклассированных элементов.

Особо рельефно социальный контекст проявляет себя при реализации синонимами функции сопоставления, например, обозначая принадлежность персонажей к разным социальным группам. Так, в повести *Собачье сердце*, находим:

¹ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, в кн.: он же, *Избранные произведения. В двух томах*, т. 2, Киев 1989, с. 459.

– Ну уж, знаете... [...] – вскричал Филип Филиппович по-русски. – Имейте в виду, Шариков... господин, что я, если вы позволите еще одну наглую выходку, я лишу вас обеда и вообще п и т а н и я в моем доме [...].

Тут Шариков испугался и приоткрыл рот.

– Я без п р о п и т а н и я оставаться не могу, – забормотал он, – где же я буду х а р ч е в а т ь с я?²

В ответ на употребленное доктором книжное слово п и т а н и е, Шариков отвечает разговорным х а р ч е в а т ь с я, вполне соответствующим его социально-культурному уровню.

Отметим, что Булгаков достаточно часто и удачно использует лексические синонимические средства для дополнительной социально-культурной характеристики персонажей. «Старорежимность» и эмоциональность профессора Преображенского отражается в не очень заметной синонимической паре, в которой с помощью устаревших, возвышенных по стилистической принадлежности слов, реализуется эксплицитная авторская характеристика поведения героя:

– Опять! – горестно в о с к л и к н у л Филипп Филиппович. – [...] Пропал Колобуховский дом [...].

– Да ведь как не убиваться! – в о з о п и л Филипп Филиппович³.

Точное понимание контекста и интерпретация синонимов требует от читателя определенной «культурной компетенции» и со временем может меняться вместе с трансформацией культурно-исторического контекста. Например, контекст с идеографическими синонимами т е л е г р а м м а – д е п е ш а («Удивительная т е л е г р а м м а! Однако умные люди на то и умны, чтобы разбираться в запутанных вещах. Очень просто. Произошла ошибка, и д е п е ш у передали исковерканной»⁴) современным читателем воспринимается несколько иначе, чем ранее, так как д е п е ш а уже не является просто телеграммой – в этом значении слово устарело и употребляется чаще как: «срочное дипломатическое донесение, сообщение». Причем как устаревшее его фиксирует уже *Толковый словарь* Ушакова, но персонаж из *Мастера и Маргариты* употребляет слово д е п е ш а потому, что для него, человека немолодого, с соответствующим уровнем языкового сознания, оно не осознается как архаизм.

Очень часто употребление синонимических стилистических оппозиций в тексте призвано подчеркнуть социальное положение персонажа. Так, создает яркую эксплицитную характеристику пролетарского поэта

² М. Булгаков, *Собачье сердце*, в кн.: он же, *Избранные произведения...*, т. 1, с. 525.

³ Там же, с. 478.

⁴ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита...*, с. 523.

Бездомного выбор им из возможного синонимического ряда с доминантой у к р а с т ь жаргонного элемента: «пошел я купаться на Москва-реку, ну и п о п я т и л и мою одёжу, а эту дрянь оставили!»⁵.

Такая же социальная характеристика «проступает» и у начальствующего персонажа, обращающегося к посетителям вместо принятого нейтрального в х о д и т е с грубым просторечным в л е з а е т е: «Вы чего [...] без доклада в л е з а е т е»⁶.

Несколько другими причинами обусловлено использование сниженных элементов этого же ряда другим персонажем – Азazelло. Он «маскируется», представляется обыкновенным человеком и подражает уличной речи, к тому же, разговорные слова для него – яркое средство речевой экспрессии: «голову у покойного с т а щ и л и из гроба. [...] До ужаса ловко с п е р л и»⁷.

Отметим, что у М. Булгакова, особенно в романе *Мастер и Маргарита*, употребление стилистических синонимов четко регламентировано авторской задачей. Так, персонажи, прибывшие в Москву, стараются быть похожими на москвичей и внешностью, и речью. Например, фраза Коровина: «А Груни нет, я услал ее в Воронеж. Она жаловалась, что вы у нее отпуск з а ж и л и л и»⁸. Любопытно, что в первоначальной редакции фраза выглядела так: «я услал ее в Воронеж, так как она жаловалась, что вы давно н е д а е т е ей отпуска»⁹. Но автор на полях машинописного текста написал з а ж и л и л и и подчеркнул. Он посчитал это слово более уместным в силу его экспрессивной и семантической емкости. К тому же, подобные лексические элементы подчеркивают «криминальный» характер группы персонажей и речевой среды города. Отсюда и другие подобные варианты синонимического употребления: к а т и с ь вместо у х о д и т, с п л а в и л и вместо в ы п р о в о д и л и, з а м е л и вместо а р е с т о в а л и и т. п., причем в разнообразных коммуникативных ситуациях – от конференса в варьете до авторской речи: «К а т и с ь отсюда! [...] – Таперича, когда этого надоедалу с п л а в и л и [...]»¹⁰; «А тем временем старушка, узнавшая от соседей, что ее кота з а м е л и, кинулась бежать в отделение [...]»¹¹ и др.

⁵ Там же, с. 396.

⁶ Там же, с. 517.

⁷ Там же, с. 550.

⁸ Там же, с. 410.

⁹ Там же, с. 739.

¹⁰ Там же, с. 454.

¹¹ Там же, с. 712.

Особенностью авторского стиля М. Булгакова можно считать активное употребление синонимических рядов, в составе которых проявляются контекстуальные синонимы, эксплицитно актуализуется несколько значений многозначного слова. Вот, например, контекст, в центре которого синонимический ряд с доминантой *г о в о р и т ь, п р о и з н о с и т ь*:

[...] Степа *в ы г о в о р и л*:

– Что вам угодно? – и сам поразился, не узнав своего голоса. Слово «что» *п р о и з н е с* дискантом, «вам» – басом, а «угодно» у него совсем не вышло.

[...]

– Простите... – *п р о х р и п е л* Степа [...].

– А вы? – *п и с к н у л* Степа. [...]

– Позвольте с вами рассчитаться, – *п р о с к у л и л* убитый Степа [...] ¹².

Меняющееся состояние персонажа проявляется с помощью ряда: *в ы г о в о р и л, п р о и з н е с, п р о х р и п е л, п р о с к у л и л, п и с к н у л*. В нем три элемента (*п р о х р и п е л, п р о с к у л и л, п и с к н у л*) передают «качество» речи благодаря вторичным оттенкам, имплицитно проявляющимся в речи. Похожих употреблений встречаем в текстах достаточно много. Например: «и он не *п р о ш е п т а л, а п р о ш и п е л*: – Я так и знал!» ¹³. Или: «Есть! – *з а л и х в а т с к и к р и к н у л* Канавкин. – Браво! – *к р и к н у л* конференсье! – Браво! – страшно *в з р е в е л* зал» ¹⁴.

Особую функцию выполняют слова с уже названной семантикой в повести *Собачье сердце*. Как известно, в ней персонаж из пса превращается в человека. В бытность свою псом он *с к у л и л, в ы л*, и в контексте эти слова реализуются и воспринимаются в прямом значении. Ср.: «раза два *п о д в ы л*, чтобы поддержать жалость к себе» ¹⁵; «У-у-у, – жалобно *з а с к у л и л* пес» ¹⁶; «– Пес не вынес кошек и *г а в к н у л*» ¹⁷ и т. д. Но и для Шарикова-человека автор подбирает слова-синонимы, которые указывают на его «прошлое»: «– Я тяжело раненый при операции, – хмуро *п о д в ы в а л* Шариков» ¹⁸; «Я не господин, господа все в Париже! – *о т л а я л* Шариков» ¹⁹; «...Он сам бросился в объятия неизбежного и *г а в к н у л*

¹² Там же, с. 405–406, 408.

¹³ Там же, с. 478.

¹⁴ Там же, с. 496.

¹⁵ М. Булгаков, *Собачье сердце...*, с. 458.

¹⁶ Там же, с. 464.

¹⁷ Там же, с. 466.

¹⁸ Там же, с. 510.

¹⁹ Там же, с. 524.

злобно и отрывисто: – Да что такое в самом деле!»²⁰. Тут г а в к а т ь – «отрывисто и зло говорить, браниться»²¹.

В синонимических рядах произведений М. Булгакова зафиксировались также и неологические единицы, которые вошли в речь в 1920–30-е годы, стали ее приметой, а затем вышли из активного употребления. Например, в одном из текстов находим слово в е н т и л и р о в а т ь, в значении «перен. Обсуждать, выяснять (нов. газет. разговор.)»²², активно использовавшееся в то время как синоним к словам в ы я с н и т ь, р а з о б р а т ь с я:

Если как следует п р о в е н т и л и р о в а т ь этот вопрос, выходит, что я, в сущности, даже и не знал-то по-настоящему покойника. [...] И далее, граждане, [...] р а з б е р е м с я вот в чем²³.

Кроме всего прочего, слово в е н т и л и р о в а т ь в данном значении является ярким примером «нового бюрократизированного языка» советской эпохи, который в научной литературе именуют «канцеляритом».

Время, в которое активно творил М. Булгаков, – это период социальных преобразований, когда социально-культурная сфера оказывает заметное влияние на язык, особенно, на состояние его лексической системы. Появились новые слова, обозначающие новые понятия, некоторая часть лексических и фразеологических единиц вышла из активного употребления, изменила стилистическую и оценочную маркированность, у слов появились новые значения и т. д. Все это отразилось и на употреблении синонимов. Синонимические ряды пополнились новыми единицами, изменились стилистические оппозиционные отношения. Социально-культурный контекст создает условия для активизации синонимических отношений заимствованных слов, неологизмов, жаргонизмов, для активизации процессов семантико-стилистической трансформации. В определенной степени эти явления обусловлены и изменением языковых ориентиров носителей языка, но в художественных произведениях важную роль играет также авторская задача, реализация которой, порой, требовала использования особой эмоционально-оценочной экспрессии и создания новых семантических пересечений.

²⁰ Там же, с. 541.

²¹ *Толковый словарь русского языка. В четырех томах*, под ред. Д. Н. Ушакова, т. 2, Москва 1935–1940, с. 533.

²² Там же, т. 1, с. 247.

²³ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита...*, с. 444.